

Галина Степановна КРИНИЦКАЯ —
доцент кафедры отечественной истории
Томского государственного университета,
кандидат исторических наук

УДК 930

Б. ЧИЧЕРИН И Г. ГЕГЕЛЬ: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧИЕ ВО ВЗГЛЯДАХ НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена сравнительному анализу взглядов Б. Н. Чичерина и Г. Гегеля на исторический процесс в его диалектическом развитии. Автор акцентирует внимание на основных положениях философии истории великих мыслителей, выявляет общее и особенное в их теории истории и приходит к выводу, что Б. Н. Чичерин, отталкиваясь от гегелевской схемы, разработал принципиально новую схему диалектического развития исторического процесса.

This article is devoted to the comparative analysis of B. N. Chicherin's and G. Hegel's views on the historical process in its dialectic development. The author pays attention to the main provisions of the history philosophy of the great thinkers, reveals the common and special in their theory of history, and arrives at a conclusion that B. N. Chicherin elaborated a new scheme of the dialectical development of historical process based on the Hegel's scheme.

Определяя общее значение Гегеля в развитии общественной мысли, Чичерин пишет: «Можно сказать, что человеческая мысль не производила ничего глубоко-мысленней этого воззрения, в котором охранительные начала и прогрессивные, субъективная свобода и объективный порядок жизни сочетаются в высшем философском синтезе [1] ... С изумительной способностью к отвлеченному мышлению он соединил здоровое понимание действительности» [2]. К числу величайших заслуг Гегеля, которые дают ему «первенствующее место в истории человеческого ума», Чичерин относит прежде всего его диалектику. Хотя изобретателем ее считается Платон, но превращение диалектики в цельную науку принадлежит Гегелю. «Можно сказать, — отмечает в этой связи Чичерин, — что истинный смысл развития, как внутреннее самоопределение Духа, никем и никогда не был так глубоко понят, как Гегелем. Им же раскрывается и диалектический закон этого развития. Это опять его бессмертная заслуга, которая должна все более и более выясняться в последующем движении науки» [3].

Как крупнейшее достижение человеческой мысли Чичерин характеризует и раскрытые Гегелем истинные основания нравственности и права, которые он вслед за индивидуалистами определяет как свободу воли. Гегель одним из первых выделил двойное значение права: объективное и субъективное. В первом, строгом смысле право у него есть выражение личности во внешних проявлениях (внешняя свобода); во втором смысле право есть субъективная мораль, образующая область внутренней свободы. Оба эти вида права сводились у Гегеля к высшему единству в области объективной нравственности, составляющей сферу государства. Здесь субъективная свобода переходит у него в объективную, но отдельное лицо сохраняет при этом свое значение, развивая особую сферу частных интересов в семейном и гражданском союзе. Поэтому Чичерин, на наш взгляд, делает совершенно справедливый вывод: никакого обожествления государства, в чем его традиционно обвиняют, у Гегеля нет. Следовательно, и отнесение его к «государственной» школе также есть ошибка. Более того, пишет Чичерин, в действительности никакой государственной школы никогда не существовало [4]. Но если это так, то и причисление Чичерина к государственной школе, упорно бытующее в отечественной историографии на том основании, что он гегельянец, есть также ошибка: нельзя приписывать ученого к школе, которой в истории общественной мысли в действительности не существовало.

Наряду с другими достоинствами громадную заслугу Гегеля Чичерин видит и в том, что свободу он определял как цель человеческого развития, а не его исходную точку. И с этого времени истинное основание свободы, права и нравственности стало прочным приобретением науки. Но все-таки главную заслугу Гегеля Чичерин справедливо усматривает в том, что он положил истинное основание философии истории: по определению Чичерина, общие основания философии истории им были «схвачены и глубоко, и верно».

Таким образом, односторонность предшествующих направлений в идеализме Гегеля в целом, считает Чичерин, была устранена при сохранении того, что было положительным в каждом из них. О том, насколько велико оказалось влияние Гегеля на самого Чичерина, свидетельствует уже тот жизненный факт, что современники удостоили его громким именем «Гегель». Однако нам представляется, что и современники Чичерина, и последующие исследователи его научного наследия во многом заблуждались, полагая в нем, если не брать в расчет различие диалектических формул, чистого гегельянца. С целью внесения ясности в решение давно запутанной проблемы мы предполагаем специально выделить действительное сходство и существенные различия основных положений в теориях того и другого мыслителя. Действительное сходство основных положений учения Гегеля и Чичерина состоит в следующем.

1. У Гегеля и у Чичерина в основание развития положен диалектический закон; подобно Гегелю, при установлении отношений познающего субъекта к действительности Чичерин исходит из анализа познавательной деятельности разума.

2. Как и Гегель, Чичерин восстанавливает доказательства бытия Бога, онтологическое, космологическое и теологическое, завершая свою систему «рациональной теологией».

3. И у того и у другого развитие всемирной истории есть изложение внутренних определений духа, следовательно, содержание истории определяется не случайной игрой произвола, а закономерным развитием существенных определений духа.

4. Историческое развитие у них является вместе с тем и логическим.

5. И тот и другой понимают историю как положительный процесс.

6. Целью развития истории и у Гегеля и у Чичерина является конечное единство, или царство духа.

7. И у того и у другого человек рассматривается как существо метафизическое, соединяющее в себе два начала (разумное и чувственное).

8. И тот и другой усматривают цель прогресса в развитии свободы личности.

9. И Чичерин и Гегель определяют государство как высший духовно-нравственный и политико-юридический союз.

10. У обоих признается абсолютное значение нравственного закона.

11. И тот и другой признавали относительную самостоятельность частных сфер государства, то есть у них все элементы государственного союза, подчиняясь высшему единству, сохраняют свою относительную самостоятельность.

Как видим, сходство историко-философских систем Чичерина и Гегеля существенно, что позволило П. Н. Новгородцеву правомерно заключить: «Столь законченного и разностороннего применения гегелевских начал не может указать и немецкая философская литература» [5]. Но в то же время вполне справедливым, на наш взгляд, является и другой вывод, сделанный Д. И. Чижевским: «Наибольший из русских гегельянцев... оказался, в известном смысле, очень далеким от Гегеля» [6]. Аналогичное мнение высказал и В. В. Зиньковский, указав, что в ряде самых ответственных и существенных пунктов Чичерин настолько отходит от Гегеля, что «надо изучать Чичерина не в том, в чем он следует Гегелю, а в том, в чем он отклоняется от него» [7].

Однако Чичерин далеко не во всем разделял точку зрения Гегеля, так как она не удовлетворяла, пишет он, требованиям разума. Причину этому Чичерин видит в исключительности гегелевской системы: «Когда развивающиеся из нее учения являются не как венец всего предшествующего, а как исключительная система, заменяющая все остальное и выводящая все из одного начала, то оно, в свою очередь, впадает в односторонность» [8].

Таким началом, из которого Гегель выводит все остальное, является у него причина конечная. Как известно, в диалектике Гегеля абсолютное понимается как дух, который, развиваясь в силу внутреннего закона, сам себе противопоставляет определения (противоположности), а затем снова приводит эти противоположности к себе. Поэтому истинная сущность духа раскрывается только в конце, то есть в полноте его развития. При этом у Гегеля эти противоположности представляют собой не самостоятельные начала, какими они являются у Чичерина, а лишь скудные и односторонние моменты духа, которые полагаются им с тем, чтобы снова сниматься, хотя и не исчезают в высшем (конечном) единстве. Противоположные элементы или определения мироздания (общее и частное, разум и материя) связываются в одно живое целое только конечным единством идеи или духа (причина конечная). Таким образом, причина конечная становится у Гегеля единственным основанием всякого бытия.

Но по законам логики первоначальное бытие не полагается конечным, а наоборот. Указывая на эту логическую ошибку Гегеля, Чичерин пишет: «Конечное единство есть высшее, но не единственное начало бытия. Оно предполагает и первоначальную основу, и самостоятельное значение противоположностей, которые связываются им и приводят к высшей гармонии, но сами не вытекают из него. Если же оно признается не только концом, но и началом всего сущего, то первоначальная основа исчезает, а противоположные элементы превращаются в простые моменты высшего единства... У него нет ничего, кроме духа. Разум и природа составляют только противоположные проявления духа, которые им полагаются, и затем собственным внутренним процессом развития снова к нему возвращаются. Через это все учение очевидно принимает односторонний характер. Великое как венец развития философской мысли, оно является недостаточным как исключительная система» [9].

Действительно, преобладание в гегелевской системе начала конечного привело к неверному пониманию им самого закона развития: так как у Гегеля первоначальная основа исчезает, то и остается только три определения: две противоположности и конечное единство, которое и развивается в трех ступенях: первую ступень составляет одна из противоположностей, вторую — другая, третью — их единство. А так как начать можно одинаково с той или другой противоположности, то за первую ступень Гегель принимает то отвлеченно общее, то частное, то субъективное начало, то объективное. Но поскольку исходной точкой у него является не конкретное, а отвлеченное единство, то последнее должно составлять и завершение развития. Поэтому и высшим проявлением духа, в отличие от Чичерина, он признает не историю, а философию.

Критика Чичериным трехчленной диалектики Гегеля, как мы уже отмечали, завершилась у него созданием четырехступенчатой схемы диалектического развития. «Чичерин видит достоинство своей диалектической схемы, — пишет Д. И. Чижевский, — в том, что она возвращает нас к общеизвестным и традиционным началам: анализу и синтезу, и соответствует, в то же время, учению Аристотеля о четырех видах причин. Чичерин считает, что его схема не только статична, но и является основой движения понятия. Аристотель, докантовская метафизика и Кант соединяются с Гегелем. Движение понятий совершается по четырем ступеням (как это

иногда имеет место у Гегеля, объединяющего однако оба средних члена в единство «абстрактного»): от первоначального единства, содержащего в себе в «непосредственной слитности два противоположных начала, общее и частное», разум переходит через «обе противоположности в их отвлечении, то есть отвлеченно-общее и чисто частное», к «высшему или конечному единству обоих, которое может служить исходным пунктом нового движения. Этот ритм повторяется в каждом шаге диалектического движения» [10]. Д. И. Чижевский верно отмечает, что Чичерин не хочет упрекать Гегеля в «абстрактности» и защищает его в этом смысле от нападок Вл. Соловьева.

Действительно, Чичерин прямо указывает на то, что слабые стороны гегелевской системы не изменили результата действия диалектического закона: «Результат, — пишет Чичерин, — и тут оказался правильным, ибо диалектическое развитие противоположностей все-таки ведет к высшему единству» [11], а фактическое изучение истории, «исправляя недостатки построенной Гегелем системы, вполне оправдывает его основные выводы», что подтверждает, как видим, историческая концепция самого Чичерина. Однако в последовательном движении мысли Гегеля «оказываются проблемы, искусственные переходы, смещение различных ступеней» [12], на которые указывает Чичерин.

Так, неверное понимание им закона развития привело к неверному построению общего хода человеческого развития, к ошибкам в трактовке всемирной истории. С точки зрения Чичерина, Гегель верно понял Восток как среду, представляющую первоначальное погружение лица в общую субстанцию, а Грецию как первое гармоническое проявление свободы. Но при определении дальнейших ступеней развития истории он впал в значительные ошибки: Риму он приписывает абсолютное раздвоение сознания, так как считает, что примирение противоположностей следует искать в христианстве, а это бросает ложный свет как на римскую историю, так и на средневековый порядок. Возражая Гегелю, Чичерин пишет: «Историческое движение духа действительно идет от единства к раздвоению; но раздвоение является господствующим началом не в Риме, а в средние века. Классические же государства представляют процесс постепенного разложения духовной субстанции... Результатом этого процесса является средневековое устройство, представляющее два противоположных друг другу мира, светский и духовный» [13].

Другой значительной ошибкой Гегеля в его теории истории, считает Чичерин, является слишком ограниченное понимание народности, полагая, что каждой эпохе должна соответствовать одна господствующая народность как известная ступень развития духа. Напротив, с точки зрения Чичерина, нет никаких оснований утверждать, что данной эпохе непременно должна соответствовать одна господствующая народность, так как вся новая история доказывает, что в одно и то же время различные стороны духа находят свое выражение в различных народах, а общее движение совершается благодаря их взаимодействию. А с другой стороны, один и тот же народ проходит различные ступени развития, участвуя в общем движении истории сообразно со своей природой. «Поэтому, — заключает Чичерин, — никак нельзя согласиться с Гегелем, когда он всю новую историю признает плодом германского духа...» [14].

Ошибочным считает Чичерин и вывод Гегеля о том, что каждая народность как явление определенного духа требует непременно известной государственной формы, религии, философии и искусства. «Такой взгляд, — возражает Чичерин, — противоречит даже истории древних государств. Дух народностей как проявление общечеловеческого духа не ограничивается теми или другими жизненными формами; проходя через различные ступени развития, вступая во взаимодействие с другими, он меняет и самое свое содержание» [15]. Но главное изменение, которое

внес Чичерин в философию истории, состоит в том, что, перестраивая историческую схему Гегеля, исходя из своей четырехчленной диалектической схемы, «он видит ось исторического развития не в политических переменах и даже не в смене представляющих мировой дух народов, а в развитии философии и религии... Конкретная философия истории Чичерина скорее соответствует Философии религии и Истории философии Гегеля, чем его Философии истории», — верно замечает Д. И. Чижевский [16].

Наконец, Чичерин отказывает философии немецкого идеализма в претензии быть абсолютным концом, которую она высказала в философии Гегеля, и, положив в основание исследования истории не идеализм, а универсализм, включает в свою схему истории огромный эмпирический материал, что и позволило ему заключить: сильный в умозрении, Гегель оказался слаб в опыте. Выводя логически общие законы, он старался подыскивать к ним и явления, «причем, конечно, далеко не всегда делал это правильно. Это ясно показывает, что законы выведены им не из опыта, а из умозрения» [17].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чичерин Б. Н. Собственность и государство. Ч. II. М., 1883. С. 380.
2. Чичерин Б. Н. История политических учений. Ч. V. М., 1902. С. 56.
3. Чичерин Б. Н. Политические мыслители древнего и нового мира. Вып. II. М., 1897. С. 423.
4. Чичерин Б. Н. Собственность и государство. Ч. I. М., 1882. С. 41.
5. Новгородцев П. Н. Некролог // Научное слово. М., 1904. С. 10.
6. Чижевский Д. И. Гегель в России. Париж, 1939. С. 298.
7. Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 2. М., 1991. С. 159.
8. Чичерин Б. Н. История политических учений. Ч. IV. М., 1877. С. 574.
9. Там же. С. 574, 577.
10. Чижевский Д. И. Гегель в России. Париж, 1939. С. 293.
11. Чичерин Б. Н. История политических учений. Ч. IV. М., 1877. С. 577.
12. Там же.
13. Там же. С. 605.
14. Там же.
15. Там же. С. 605.
16. Чижевский Д. И. Гегель в России. Париж, 1939. С. 295, 297.
17. Чичерин Б. Н. Политические мыслители древнего и нового мира. Вып. II. М., 1897. С. 426